государственной власти и управления выступают различные варианты прямого и косвенного воздействия на принятие решений органами законодательной, исполнительной и судебной власти посредством как коррупционного давления, так и лоббирования интересов организованной преступности. Целью лоббирования является продвижение интересов преступного сообщества в органах законодательной, исполнительной и судебной власти, влияющих и на уголовно-правовую политику государства.

Особенность лоббирования интересов организованной преступности заключается в том, что оно воплощается в формы, которые выглядят вполне социально и политически приемлемо. Например, участие в дискуссиях в рабочих группах профильных комитетов на парламентских чтениях законодательных органов; стимулирование создания необходимых проектов законов и вынесения их на обсуждение парламента; косвенное лоббирование по каналам средств массовой информации для организации давления на суд или следственные органы в связи с конкретными уголовными делами и т. п.

Таким образом, преступность выступает как интегративный фактор воздействия на уголовно-правовую политику государства.

УДК 343.10

П.В. Мытник

О ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ

О презумпции невиновности сказано и написано достаточно много. Некоторые специалисты в области уголовного процесса полагают, что презумпция невиновности не распространяет свое действие на подозреваемого. Однако с таким подходом согласиться нельзя.

Презумпция (лат. praesumptio – предположение, основанное на вероятности) как юридический термин – признание факта юридически достоверным, пока не будет доказано обратное. Презумпция невиновности – родившееся много веков тому назад правовое положение, которое приобрело особое значение в эпоху буржуазно-демократических преобразований. Основная идея этого положения, опирающаяся на давние нравственные нормы (человека нужно считать добропорядочным, пока не будет установлено обратное), во весь голос зазвучала в документах именно данной эпохи. Она была противопоставлена господствовавшему в предшествующие периоды развития человечества поверью, что тот, кого заподозрили в совершении преступления, должен считаться виновным, пока он не докажет обратное. Это заблуждение долгое время являлось одной из основ судебного доказывания.

В настоящее время принцип презумпции невиновности закреплен в международно-правовых актах, конституциях большинства государств.

Согласно ст. 26 Конституции Республики Беларусь «никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность».

По нашему мнению, упоминание в Конституции лишь обвиняемого и позволяет утверждать, что презумпция распространяет свое действие только на данного участника уголовного процесса, тем более что в отраслевом законодательстве – уголовном процессе также не упоминается подозреваемый (ст. 16 УПК).

Однако в данном случае нормы, закрепленные в ст. 26 Конституции, а также в ст. 16 УПК, следует толковать расширительно.

Во-первых, авторы Конституции могли не разбираться в тонкостях уголовно-процессуальной материи либо не придавать ей столь большого значения.

Во-вторых, следует обратить внимание на следующее: в первом предложении ст. 26 Конституции законодатель оперирует отрицательным местоимением «никто», имея в виду обобщенное лицо, в отношении которого может осуществляться уголовное преследование.

В Конституции закреплено абсолютистское понимание анализируемой презумпции, на что нами указывалось неоднократно. Следует отметить, что виновными признаются лица, в отношении которых уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям (либо судом лицо освобождено от ответственности по таким же основаниям). При этом они могут занимать положение как обвиняемого, так и подозреваемого, а сведения о преступлении и лице, его совершившем, хранятся 100 лет (ст. 9 и 11 Закона Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 94-З «О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений»). Совершение же преступления подозреваемым (а не осуждение) в ряде случаев является запретом на профессию. Так, согласно ст. 8 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» к осуществлению адвокатской деятельности не допускается лицо, ранее совершившее умышленное преступление.

Прекращение уголовного преследования (освобождение от уголовной ответственности) невиновных подозреваемого и обвиняемого с постановкой на учет на 100 лет и запрет на профессию – нонсенс. В данном случае существует компромисс: лицо (в том числе и подозреваемый) признает себя виновным и не имеет судимости, а государство в лице суда и органа уголовного преследования совершает процессуальную экономию. Однако свою невиновность подозреваемый доказывать не обязан. Бремя доказывания виновности лежит на органе уголовного преследования.

В третьих, в решениях Европейского суда по правам человека и в специальной литературе отмечается, что различное наименование лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, не должно быть препятствием для распространения на него презумпции невиновности.

В четвертых, если рассуждать от обратного, то получается, что подозреваемый обязан доказывать свою невиновность, в том числе путем дачи показаний. Однако дача показаний для него (в отличие от свидетеля и потерпевшего) лишь право

(п. 9 ч. 2 ст. 41 УПК). В ст. 41 УПК не говорится о том, что подозреваемый обязан доказывать свою невиновность. Участие в доказывании – его право, а не обязанность.

Наконец, в пятых, а как обстоит дело с презумпцией невиновности в других юридических процессах?

В административно-деликтном процессе не используются понятия «подозреваемый» и «обвиняемый». «Лицо, в отношении которого ведется административный процесс, – физическое или юридическое лицо, в отношении которого судом, органом, ведущим административный процесс, устанавливается виновность в совершении административного правонарушения» (ст. 1.4 ПИКоАП). При этом «обязанность доказывать виновность лица, в отношении которого ведется административный процесс, возлагается на должностное лицо органа, ведущего административный процесс, за исключением случая, предусмотренного частью 5 настоящей статьи. Лицо, в отношении которого ведется административный процесс, не обязано доказывать свою невиновность» (ч. 2 ст. 2.7 ПИКоАП).

В соответствии с Инструкцией о порядке организации и проведения служебной проверки в органах внутренних дел, утвержденной приказом МВД Республики Беларусь от 26 января 2017 г. № 23, обязанность доказывания виновности лица, совершившего дисциплинарный проступок, возложена на сотрудника, проводящего служебную проверку (гл. 7 и 8 Инструкции, прил. 4).

Из этого следуют выводы:

1. В ст. 26 Конституции не упоминаются лица, совершившие административные правонарушения и дисциплинарные проступки, однако на них распространяется презумпция невиновности.

2. В отличие от иных правонарушений преступления всегда общественно опасны. При этом (если исходить из того, что презумпция невиновности не распространяет свое действие на подозреваемого) права лица, в отношении которого ведется административный процесс либо проводится служебная проверка, более защищены, нежели подозреваемого в уголовном процессе. Считаем, что подход должен быть противоположным (права физических и юридических лиц должны быть наиболее защищены при производстве по материалам и уголовным делам) либо аналогичным (когда речь о привлечении к ответственности).

В настоящее время ставится вопрос о внесении изменений и дополнений в Конституцию. Полагаем, что требует корректировки и ст. 26 Конституции. И не столько в части упоминания в ней подозреваемого (на практике с этим проблем нет), сколько о ее абсолютистском понимании. Трактуя буквально норму Конституции (виновность устанавливается только вступившим в законную силу приговором суда), следует признать незаконность освобождения от уголовной ответственности (прекращение уголовного преследования) по нереабилитирующим обстоятельствам. Возможно, следует заимствовать опыт иных государств, международных организаций. Согласно ч. 2 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод «каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком». Для колеблющихся можно добавить и подозреваемого. При этом будет узаконено прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим обстоятельствам. Зачем 100 лет хранить сведения о невиновных?

УДК 343.21

А.В. Ободовский

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОЦЕДУРЫ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС УКРАИНЫ

Сегодня сообщением о том, что в УК Украины были внесены изменения, никого не удивишь: они вносятся часто, поэтому изменения в УК Украины вполне уместно называть очередными. Тем не менее некоторые такие изменения настолько долго «ждут своей очереди», что выделяются среди всех остальных.

Изменения, которые вряд ли можно отнести к очередным, обыкновенным, были внесены в УК Украины законом от 22 ноября 2018 г. (закон вступил в силу 1 июля 2020 г.). Основная идея, реализованная в этом законе, – ввести в УК Украины такой вид уголовно наказуемых деяний, как уголовный проступок. Идея не новая, но, несмотря на это, ее реализация вызывает ряд вопросов и возражений. Вопросы и возражения, о которых идет речь, – самые разные, а их характер такой, что заставляет задуматься над тем, насколько удачно данная идея была воплощена на законодательном уровне.

Вместе с тем наряду с «основной» направленностью закона от 22 ноября 2018 г., есть и другие направления законодательных изменений. Одно из таких направлений – установление (новая ст. 286^1 УК Украины) уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии разных видов опьянения или под воздействием лекарственных препаратов, снижающих внимание и скорость реакции. Диспозиция новой статьи сформулирована очень широко и предусматривает несколько (даже много) форм, в которых может совершаться соответствующее уголовно наказуемое деяние. Может быть уже одно это должно было бы сделать новую статью УК Украины привлекательной для исследователей? Возможно, небезынтересным было бы и обсуждение вопроса о необходимости противодействовать соответствующим деяниям именно при помощи уголовно-правовых средств (с учетом того, что рассматриваемое деяние – «всего» уголовный проступок и наказывается лишь штрафом)? Может быть верно и первое, и второе, но есть еще один вопрос, актуализируемый в связи с появлением в УК Украины новой ст. 286^1.

На самом деле закон от 22 ноября 2018 г. преследовалось с уголовными проступками связан лишь «текстуально»: именно и лишь в его тексте и говорится об уголовных проступках. В названии закона можно уловить не более чем намек на то, что в УК Украины вводится категория уголовного проступка: «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно упрощения досудебного расследования отдельных категорий уголовных правонарушений». Безусловно, «упрощение досудебного расследования» – вот какая цель преследовалась внесением изменений в законодательные акты законом от 22 ноября 2018 г. Однако для того чтобы «упростить досудебное расследование» пусть даже не всех, а лишь «отдельных категорий уголовных правонарушений», вовсе необязательно было вводить в УК Украины категорию уголовных